Дмитрий Верхотуров

16+

Ашаршылык

История Великого голода

Дмитрий Николаевич Верхотуров

Ашаршылык: история Великого голода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26122112
SelfPub; 2019
ISBN 978-5-532-09283-9

Аннотация

Ашаршылык – казахское слово, обозначающее голод. Но оно также стало названием одной из крупнейших хозяйственных катастроф, когда-либо постигших Казахстан за всю его историю. Голод 1932-1933 годов нанес Казакской АССР (тогда еще автономной, в составе РСФСР) колоссальный ущерб, прошедшийся не только по хозяйству, но и культуре и быту казахов. В книге подробно разбирается административная и хозяйственная подоплека этой хозяйственной катастрофы, и показывается, как сочетание тех или иных решений, условий и методов реализации может привести к массовому и гибельному голоду.

Содержание

Введение 4
Глава первая***Пролог трагедии 8
Две волны голода 15
Первые речи 33
Глава вторая***Пахать или пасти? 37
Казахское скотоводство 38
Казахское земледелие 48
Хозяйство европейского типа 54
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Введение

Ашаршылық – по-казахски означает «голод». Это простое слово превратилось в обозначение страшной трагедии и катастрофы для казахского народа – великого голода 1932–1933 годов, когда погибло около половины казахов, а сотни тысяч вынуждены были бежать далеко за пределы Казахстана в поисках спасения от смерти.

Эта страшная трагедия оставила резкий, рубленный отпечаток на казахском народе, на его мировоззрении и культуре. Огромные раны народа до сих пор не вполне затянулись, и даже нынешняя молодежь остро воспринимает мученическую гибель своих предков. Эта чудовищная трагедия никого не может оставить равнодушным и отстраненным.

До голода Казахстан был свободной страной, в которой царили вольные нравы кочевников-скотоводов, в которой практически не было тюрем просто из-за невозможности содержать их в условиях кочевого быта. Почти все проступки наказывались штрафами: айыпом или тогузом, в зависимости от тяжести проступка. Но после голода, когда целые волости опустели, Казахстан превратился в страну невольников, пригнанных на стройки и добычу руды, в край огромных лагерей за колючей проволокой и место ссылки. Голод стал прологом ко всем остальным бедствиям, которые обрушились на Казахстан, включая ядерные испытания на Семипа-

латинском полигоне, испытания бактериологического оружия на острове Вознесения на Аральском море, переселения в Казахстан представителей многочисленных репрессированных народов, освоения целины и связанной с ней экологической катастрофой. Это стало возможно только потому, что после опустошительного голода у руководства Советского Союза прочно и надолго закрепился образ Казахстана как «пустой страны», в которой можно делать все, что угодно.

В этом смысле голод был трагедией не только казахов, но и всех остальных народов, которые жили до этого или оказались против своей воли в Казахстане.

Конечно, если бы не было этого опустошительного голода, то история Казахстана пошла бы совершенно другой дорогой.

Голод в Казахстане никогда не был и не станет оружием политической борьбы, чем стал голод 1932–1933 годов на Украине. Голод занимает другое место. Во-первых, это память, тяжелая и болезненная память о страданиях и мученической смерти сотен тысяч людей. Не делать на голоде политического капитала – это нравственный долг ныне живущих перед умершими.

С другой стороны, это светлая память о тех праведниках, которые в страшные годы прилагали все усилия для спасения своих близких или даже совсем случайных людей, делились с ними куском хлеба и горсткой муки, брали детей, по-

могали поселяться и устраиваться на работу. Это пример для всех нас, как даже среди разгула смерти оставаться людьми и сострадать мучениям других. Да пребудет с ними милость Всевышнего!

Наконец, это жгучая память о тех убийцах, которые ввергли целый народ в пучину страшных бедствий.

Во-вторых, это намерение не допустить повторения таких ужасных катастроф в будущем, не только в Казахстане, но и вообще где бы то ни было в мире. К сожалению, голод в Эфиопии, в Сомали и в других местах показывает, что от этого пока никто не застрахован, и предаваться благодушию еще рано. В мире около 800 млн. человек недоедают и находятся на грани голода, нуждаются в помощи.

Настоящая книга в первую очередь ставит перед собой цель разобраться в экономических причинах голода в Казахстане и выявить те условия и решения, которые привели к такой небывалой для Казахстана хозяйственной катастрофе, затмившей все наиболее крупные бедствия в истории казахского народа, даже Ақтабаң Шыбырынды, или «Годы великого бедствия» в 1723–1724 годах, когда казахи потерпели тяжелое поражение от джунгар. Ни один джут, даже самый тяжелый, не вызывал такого страшного голода.

Это исследование необходимо сразу по нескольким причинам. Во-первых, географические и климатические условия Казахстана с тех пор изменились в сторону роста пустынь и процесса опустынивания, и составляют очень слож-

ные условия для сельского хозяйства, как растениеводства, так и животноводства. Изучение экономических причин голода позволяет понять, что нельзя делать ни при каких условиях, чтобы не вызвать еще одну такую хозяйственную катастрофу.

Во-вторых, материалы истории великого голода позволяют понять, как диагностировать подобные хозяйственные катастрофы на ранних стадиях, и предотвращать их, пока они не превратились в разрушительное бедствие.

В-третьих, это опыт борьбы с голодом, который имеет большую актуальность как в региональном плане (поскольку в Таджикистане и Афганистане и в других странах люди еще, к сожалению, продолжают голодать), а также в мировом плане, для предотвращения катастрофического голода в других странах, и корректировки политики международных гуманитарных организаций.

Этот опыт нуждается в тщательном и всестороннем изучении не только потому, что он очень значим, но и потому, что за него заплачено чрезвычайно дорогой ценой. Память об умерших взывает, чтобы такое бедствие никогда не было допущено впредь.

Автор

Глава первая***Пролог трагедии

12 сентября 1925 года из поезда на вокзале Кзыл-Орды (бывший Перовск) вышел человек, которому предстояло сыграть центральную роль в трагедии колоссальных масштабов, самой крупной из тех, которые когда-либо охватывали Казахстан. Звали человека Филипп Исаевич Голощекин, он был старым революционером, до этого занимал несколько должностей в Самарской губернии, где был председателем губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, председателем губисполкома и входил в губком РКП(б). Теперь ему предстояло стать первым секретарем Казкрайкома РКП(б).

Формальности, связанные с избранием нового секретаря, были улажены очень быстро, и уже 18 сентября 1925 года газета «Советская степь» поместила биографическую статью о тов. Голощекине по случаю его прибытия в Кзыл-Орду. Эта же статья называет и дату, с которой началась великая трагедия.[1]

Не особенно скрывалось, что выдвижение Филиппа Голощекина на пост первого секретаря Казкрайкома было именно назначением, а не выбором большевиков Казахстана. Оргбюро ЦК РКП(б) под руководством Лазаря Кагановича, при

---

[1] Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 16–19

полной поддержке со стороны секретаря ЦК РКП(б) Иосифа Сталина, в то время проводило интенсивную кадровую политику, делая назначения на самые различные посты. На самом верху, в Политбюро ЦК РКП(б) в тот момент шла ожесточенная политическая борьба, и Сталин, захвативший руководство Оргбюро, создавал основу своей власти, назначая преданных ему людей. Очевидно, Филипп Голощекин был включен Сталиным и Кагановичем в это число, и получил назначение на достаточно высокий пост, гораздо более высокий, чем всем посты, которые после революции занимал Голощекин. До этого он последовательно занимал посты секретаря Пермского, Екатеринбургского губкомов и Уральского обкомов партии, а потом был переведен на советскую работу и занимал посты председателя губисполкомов Советов в Костромской и Самарской губерниях. Новое назначение предусматривало куда более широкий фронт работы, поскольку Казахстан был гораздо больше любой губернии, а также было более высоким, поскольку Казахстан был в то время Казакской Автономной Советской Социалистической Республикой (КазАССР), входившей в состав РСФСР, имеющий собственное правительство и собственные независимые наркоматы.

По уже установившейся к тому времени практике секретарь крайкома фактически руководил всеми органами власти, и это назначение для Голощекина было фактически назначением главой целой автономной республики.

Его предыдущая биография вместе с наличными условиями, которые сложились в Казахстане, позволяет понять логику этого назначения. Казахстан в годы Гражданской войны был ареной боев, многие его районы подверглись сильному разорению К тому же, в Казахстане уже было две волны голода. Первая – в 1918–1919 годах, вторая – в 1921–1922 годах, после которых хозяйство КазАССР восстанавливалось с большим трудом, и в республике царила нищета. Поскольку после революции Голощекин занимал, преимущественно хозяйственные посты, то он, должно быть, в Оргбюро ЦК РКП(б) считался специалистом по хозяйству, и направлялся с целью помощи восстановления хозяйства республики. Также, по мнению товарищей из Оргбюро, Голощекин был знаком с местными условиями, поскольку в 1919 году был членом Реввоенсовета Туркреспублики, а в октябре 1919 – мае 1920 года был членом Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Не исключено, что его кандидатуру предложил именно Каганович, который в 1922 году был делегатом XI съезда РКП(б) от Туркестана, и сразу после этого получил от Сталина назначение в Оргинструкторский отдел при Секретариате ЦК РКП(б).[2]

На хозяйственное предназначение его назначения на пост секретаря Казкрайкома РКП(б) указывает также и то, что Голощекин в 1921 году некоторое время был председате-

---

[2] Верхотуров Д. Н. Экономическая революция Сталина. М., «Олма-Пресс», 2006, с. 129

лем Главруды (главк, контролирующий добычу руд), а Казахстан тогда воспринимался как важнейшая база цветной металлургии и источник медных и свинцовых руд, а также в Самарской губернии активно занимался хозяйственными вопросами. В частности, там он возглавлял Губпоследгол, то есть Губернский комитет по борьбе с последствиями голода, и сумел добиться некоторых успехов. Все эти обстоятельства его биографии, очевидно, и заставили Кагановича и Сталина остановится именно на его кандидатуре.

С точки зрения этих фактов, в 1925 году его назначение в Казахстан казалось оправданным и целесообразным. До этого Голощекин достаточно хорошо себя проявил на партийных, военных, советских и хозяйственных постах, был старым большевиком и революционером, был хорошо знаком с Лениным и Сталиным, и со всех точек зрения воспринимался, скорее всего, как надежный и исполнительный товарищ, твердый большевик. Это обстоятельство подчеркивалось активным участием Голощекина в организации расстрела семьи Николая II в Екатеринбурге в 1918 году. Об этом в Политбюро и Оргбюро, конечно, хорошо знали. Признаков того, чем Голощекин займется в Казахстане позднее, в 1925 году не просматривалось. Это мнение о Голощекине, как твердом большевике и хорошем хозяйственнике, видно, довольно долго держалось в ЦК, и оказало влияние на ситуацию, поскольку там к решению о снятии Голощекина шли нелегко, и решились только после того, как хозяйственная ката-

строфа стала очевидной. Филипп Голощекин определенно пользовался большим доверием.

В те годы назначения на руководящие посты в гораздо большей степени определялись политической позицией того или иного члена партии, его отношения к партийным лидерам, чем реальными управленческими и хозяйственными навыками. Иногда такие назначения были очень удачными, как, например, назначение Феликса Дзержинского на пост сначала наркома путей сообщения, а потом и председателя ВСНХ. Дзержинский провяил свои таланты администратора, и сумел добиться выхода железных дорог из затяжного послевоенного кризиса, а потом сумел дать первоначальный импульс индустриализации.[3] Многие руководители, сами не разбиравшиеся в технических и экономических вопросах, руководили с помощью старых специалистов. Но в то время было много руководителей, которые не умели ничего делать сами, и ни на кого не опирались. Их терпели на руководящих постах только по политическим причинам. Так что назначение Филиппа Голощекина в 1925 году было вполне оправданным, с точки зрения сложившейся сразу после Гражданской войны практики.

Конечно, очевидцы прибытия Голощекина в Кзыл-Орду вряд ли могли предполагать, что этот человек принесет

---

[3] Верхотуров Д. Н. Экономическая революция Сталина. М., «Олма-Пресс», 2006; Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронет 1921–1926 гг. М., «Мысль», 1977

страшное бедствие в республику. На фоне еще не остывшей памяти о Гражданской войне, боях, голодовках и нищете, вряд ли его приезд воспринимался как угроза. Напротив, не исключено, что с его назначением многие тогда связывали самые радужные надежды на скорое восстановление Казахстана и строительство коммунизма.

Мы столь подробно остановились на прибытии Голощекина в Кзыл-Орду и его биографии для того, чтобы показать, что его назначение было явно не случайным, но в то же время изначально не несло в себе явно выраженных признаков какого-либо злого умысла, который мог бы родиться в ЦК РКП(б) или среди окружения Сталина. Его переводили в Казахстан с явной надеждой, что Голощекин сумеет поднять хозяйство республики. Эти факты позволяют понять ту степень доверия, которым он пользовался вплоть до своей отставки в 1933 году, и степень его личного вклада в катастрофическое развитие ситуации.

Похоже, что его личный вклад в хозяйственную катастрофу оказался определяющим фактором. Многие исследователи, в частности Валерий Михайлов, неоднократно подчеркивали, что Голощекин, бывший старым революционером с большим стажем, с заслугами перед революцией, видимо, не получил той власти и славы, на которую рассчитывал в 1917 году. Теперь же ему вручалась власть над целой автономной республикой, и он воспринял это как возможность воплотить в жизнь все свои неудовлетворенные революционные

амбиции. Но к этой теме мы еще вернемся.

Теперь стоит рассмотреть, в каком состоянии находился в то время Казахстан, и каким было его хозяйство. Политика Голощекина разворачивалась на фоне состояния экономики КазАССР, которое можно определить как затяжной кризис.

Обычно экономическое состояние Казакской АССР в советской литературе оценивалось весьма оптимистично: «К тому времени Казахстан чуть-чуть оправился от разрушительных последствий гражданской войны и голода 1921–1922 годов. Валовый сбор зерна в 1925 году составил 92 миллиона пудов и приблизился к довоенному уровню, восстанавливалось подорванное лихолетьем животноводство…».[4]

Но с такой оптимистической оценкой хозяйства Казахстана сразу после Гражданской войны вряд ли можно согласиться. Положение было очень тяжелым, в особенности после двух волн голода.

---

[4] Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 80

Две волны голода

Драматические события Гражданской войны вызвали свои экономические последствия и самым явным образом отразились на хозяйственном положении. Наиболее ярким и зримым последствием Гражданской войны в хозяйстве был сильный голод, охвативший многие районы Казахстана.

Голод в Казахстане сразу после Гражданской войны весьма мало известен и практически не упоминался в литературе. Большое внимание привлекал страшный голод 1921 года в Поволжье и на Украине, на борьбу с которым бросались все силы РСФСР и международная помощь, для борьбы с которым создавался «Помгол». Но вот о голоде в Казахстане практически ничего существенного не сообщалось. Если голод 1932 года можно было исследовать по воспоминаниям очевидцев или их детей, то вот очевидцы более раннего голода умерли задолго до того, как появились исследователи, желающие разобраться в этом вопросе.

Из всех многочисленных публикаций по экономической истории Казахстана, сколько-нибудь подробные сведения о голоде 1921–1922 годов дает только одна публикация – сборник документов «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.)», в который был включен весьма широкий список документов, в том числе и несколько подробных отчетов по продовольственно-

му положению и борьбе с голодом. Отдельные сведения имеются и в других публикациях.

Валерий Михайлов правильно отмечает: «Почему-то когда мы говорим про голод в степи, то сразу подразумевается голод 30-х годов. А ведь в Казахстане это был второй голод. Первый был в 1919–1922 годах. Поэтому когда исследователи будут заниматься этой проблемой, должны ее разделить на первый и второй периоды».[5] Действительно, первые две волны голода тоже стали одной из причин возникновения голода 1932 года, и были существенным хозяйственным фактором, с которым Голощекин должен был считаться. Потому необходимо уделить внимания этому вопросу.

Трудности в сельском хозяйстве Казахстана начались сразу с началом Гражданской войны. В 1917 году в земледельческих районах наблюдался неурожай, а зимой 1917/1918 годов наступил джут.[6] При этом джут отмечался в 1916/1917 году.[7] Надо отметить, что по наблюдениям казахов, большие джуты бывали обычно связаны с годом қоян (зайца) традиционного 12-ти летнего мушеля. Некоторые джуты даже по-

---

[5] Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с.

[6] Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 25

[7] Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской СССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 26

лучили свои названия. Джут в 1867/68 году – жалпақ қоян жұты, в 1879/1880 году – ұлы қоян, в 1891/1892 году – кіші қоян, а в 1915/1916 году – тақыр қоян.[8]

Недостаток продовольствия сразу стал ощутим, и уже в апреле 1918 года вопрос о посевах на всех свободных землях встал перед Верненской парторганизацией, то есть нехватка продовольствия ощущалась и в одном из наиболее урожайных районов – Семиречье. В 1919 году уже практиковались государственные посевы, весь урожай с которых шел в распоряжение продорганов.

Гражданская война, сопровождающие ее партизанские действия и бандитизм также весьма сильно подорвали возможности сельского хозяйства в Казахстане. Боевые действия, в основном, велись на территории основных зерновых районов, располагавшихся в Северном Казахстане.

Определенный вклад в ухудшение положения в аграрном производстве внесла продразверстка, заготавливающая значительные количества зерна, мяса, шерсти, кож и другой продукцию. Введенная декретом СНК от 11 января 1919 года, продразверстка предусматривала сдачу всех продуктов сельского хозяйства свыше законодательно установленной потребительской нормы для нужд организации снабжения армии и населения в РСФСР. В конце 1919 – начале 1920 года, когда белогвардейцы в Казахстане были разгромлены,

---

[8] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 80

продразверстка была введена и в Кирреспублике.

По продразверстке в 1920/1921 годах было заготовлено:

Хлеба – 700,8 тысяч пудов,

Проса – 411,9 тысяч пудов,

Мяса – 280 тысяч пудов,

Шерсти – 24,6 тысяч пудов,

Кож – 215 тысяч штук.[9]

По другим сведениям, всего за время существования продразверстки в Казахстане было собрано 4,02 млн. пудов мяса. Сельское хозяйство Казахстана, ослабленное двумя джутами подряд, неурожаем, в целом ряде районов разоренное военными и партизанскими действиями, многочисленными реквизициями, испытало на себе еще и удар продразверстки. Причиной резкого уменьшения количества скота в 1920–1921 годах были, вне всякого сомнения, масштабные заготовки по продразверстке.

Вообще, Казахстан считался одним из важнейших районов животноводства, потому даже весной 1921 года, после введения продналога, Совнарком РСФСР рассчитывал собрать в Казахстане 2,57 млн. пудов мяса, из которых 0,58 млн. пудов приходилось на продналог, остальное рассчитывали получить путем товарообмена и закупки за день-

---

[9] Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 36

ги.[10] Наркомзем КАССР также рассчитывал на неплохой урожай 1921 года, с валовым сбором в 86 млн. пудов, который должен был дать излишков в размере 26 млн. пудов зерна.[11]

Однако, итоги Гражданской войны в сельском хозяйстве были весьма неутешительными. Поголовье скота сократилось к 1920 году до 16,3 млн. голов против 29,9 млн. голов в 1913 году (по данным ЦК Помгол при ЦИК КАССР, цифры несколько иные: в 1917 году – 29,7 млн. голов, в 1920 году – 9,7 млн. голов[12]). Площадь посевов упала с 4,1 млн. гектар до 3,2 млн. гектар. Валовой сбор зерна сократился на 26 % по сравнению с 1913 годом.[13] Общие цифры не вполне отражают реальное положение, потому что в ряде губерний посевы из-за боев сократились в разы: в Уральской губернии более чем вдвое, в Семиреченской губернии – в три раза.

Иными словами, возможности для производства продо-

---

[10] Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской СССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 126

[11] Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 97

[12] Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

[13] Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 32

вольственных продуктов в Казахстане резко сократились, и теперь даже средний урожай мог привести к продовольственным трудностям. Это обстоятельство отметил ЦК Помгол при ЦИК КАССР: «Принимая во внимание такое значительное сокращение посевной площади и убыли скота, мы могли рассчитать, что даже при среднем урожае частичный голод в КАССР был бы неминуем».[14] В начале 1921 года сельское хозяйство Казахстана находилось в таком состоянии, что достаточно было одного неблагоприятного фактора, чтобы разразилась катастрофа. Это обстоятельство впоследствии снова повторится при коллективизации; сельское хозяйство дошло до примерно такого же остро критического состояния.

В 1921 году падение в сельском хозяйстве продолжилось. Поголовье скота по данным ЦК Помгол упало до 6,2 млн. голов, а посевная площадь до 3,04 млн. гектар.[15] Исчезновение еще 3,5 млн. голов скота и сокращение посевов на 200 тысяч гектаров уже само по себе создавало крайне напряженную продовольственную обстановку, которую в хозяйствен-

---

[14] Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

[15] Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

ную катастрофу превратила засуха лета 1921 года.

Это была очень сильная засуха, основной ущерб которой пришелся на засушливые районы Казахстана. Полностью погиб урожай в Уральской, Оренбургской, Актюбинской, Кустанайской областях.[16] В этих районах в годы нормального увлажнения, осадков едва хватает для средних условий произрастания пшеницы, и количество осадков только на 50–60 мм превышает запасы влаги, необходимой для средних условий вегетации пшеницы.[17] Засуха, практически полное отсутствие мер по задержанию снега и накоплению влаги в почве в 1921 году, привели к гибели урожая. Однако, в силу различных местных особенностей, положение с урожаем могло сильно отличаться от уезда к уезду, и в некоторых из них мог быть собран урожай, позволяющий продержаться хотя бы до весны. По РСФСР была проведена дифференциация уездов. Если в уезде урожай составлял меньше 6 пудов на душу, то он признавался голодающим.[18]

Наркомзем КАССР жестоко просчитался в оценке перспектив урожая. В 1921 году реальный сбор составил всего 4,7 млн. пудов, тогда как на голодный продпаек и семенной фонд требовалось не менее 22,1 млн. пудов зерна.[19] План

---

[16] Кан Г. В. История Казахстана. Алматы, «Алматыкітап», 2005, с. 172

[17] Из опыта освоения целинных и залежных земель в Казахстане (сборник статей). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1955, с. 12–16

[18] Поляков. Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М. «Политиздат», 1975, с. 16

[19] Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 97

сбора продовольствия по разверстке, который еще продолжали собирать, оказался выполнен всего на 17,5 %, и из 22 млн. пудов зерна собрано всего 6 млн. пудов.[20] Впрочем, из-за засухи крестьяне в 1921 году не могли сдать ни продразверстку, ни продналог.

В декабре 1921 года в пяти областях и Адаевском уезде КАССР (с общим населением около 2,5 млн. человек), голодало 1,2 млн. человек или 48 %. Голод нарастал с наиболее пострадавших уездов, в которых не было совсем никакого урожая, к менее пострадавшим. Но в начале весны 1922 года, когда все скудные запасы были проедены, голод разразился в полную силу. В апреле 1922 года в Казахстане голодало по приблизительным оценкам около 2,3 млн. человек или 92 % населения. Относительно состояния кочевых районов в это время сведений практически нет, однако можно предположить, что наблюдалась массовая откочевка в более благоприятные районы.

В других районах РСФСР положение было куда сложнее. В неурожайных губерниях, по сводкам ЦК Помгола при ВЦИК, проживало 31 млн. 714 тысяч человек.[21] Количество голодающих в Казахстане составило 7,2 % от общей численности голодающих в тот год.

Первой реакцией на сложившееся положение было об-

---

[20] Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 60

[21] Поляков. Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М. «Политиздат», 1975, с. 18

разование в июле 1921 года при ЦИК Киргизской (Казахской) АССР Центральной комиссии помощи голодающим, который возглавил председатель КазЦИК тов. Мандешев. 18 июля 1921 года был образован Центральный комитет Помгола во главе с Председателем ВЦИК М. И. Калининым. Помгол в Кирреспублике был образован практически одновременно с образованием центрального Помгола.

Основным средством борьбы с голодом было распределение государственных пайков для голодающих. Ими охватывалось далеко не все население, но, тем не менее, объемы распределения, по данным ЦК Помгол, были довольно значительными. Госголпаек включал в себя 10 фунтов (4 кг) хлеба, 6 фунтов (2,4 кг) крупы и 4 фунта (1,6 кг) мяса в месяц.[22]

В ноябре 1921 года на территории, охватывающей современный Западный Казахстан, распределялось 139 тысяч пайков. В январе-феврале 1922 года распределялось 171,85 тысяч пайков. Но уже в марте количество госголпайков резко увеличилось. В марте-мае распределялось уже 392 тысяч пайков.[23] Продовольственная помощь охватывала примерно

---

[22] Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 130

[23] Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 198

17 % голодающего населения в самый пик голода. По данным ЦК Помгол КАССР за семь месяцев, с ноября 1921 года по май 1922 года было распределено 1 млн. 810,7 тысяч госголпайков. Это потребовало раздачи примерно 72,4 тысяч тонн хлеба, 4,3 тысячи тонн крупы и 2,8 тысяч тонн мяса.

Госголпаек включал в себя строго определенное количество продуктов питания, в основном хлеба, муки, круп, овощей. Он мог выдаваться голодающим в двух видах. В земледельческих районах его чаще всего выдавали через столовые, в которых из госголпайков готовили горячую пищу. В кочевых районах большое распространение получила выдача госголпайка в сухом виде, хотя также были открыты 173 питательные юрты. Кроме продовольственного пайка голодающие снабжались обувью, одеждой, предметами первой необходимости, а также им оказывалась медицинская помощь.[24]

Продовольственная помощь оказывалась и по другим каналам. В том же отчете ЦК Помгол указывалось, что американский комитет помощи АРА открыл в Казахстане 1549 столовых с выдачей 297759 пайков в сутки. Международный рабочий комитет помощи голодающим (Межрабпомгол) в апреле-мае 1922 года предоставил 10097 пайков в сутки, предназначавшиеся для рабочих на промышленных предприятиях, крайне немногочисленных тогда в Казахста-

---

[24] Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 111

не. Красный Крест предоставлял некоторое время продовольствие на 14 тысяч человек в день. В Уральской губернии работал врачебно-питательный отряд с Украины, который в марте распределял 4 тысячи пайков в сутки. Наконец, квакеры прислали в Кустанайскую губернию 60 вагонов зерна.[25]

Оценить потери населения от голода очень нелегко из-за крайнего недостатка надежных данных. Убыль населения Киргизской (Казахской) АССР с 1914 по 1922 год приблизительно оценивается в 1 млн. человек, по другим данным в 1,7 млн. человек. Однако, вне всякого сомнения, часть из них погибла в годы Гражданской войны, часть приходится на откочевавшее население, а часть убыли, видимо, стоит отнести на несовершенство статистического учета населения, тем более, что границы автономной республики в то время неоднократно изменялись. Потери от голода 1921–1922 годов можно оценить приблизительно в диапазоне от 200 до 400 тысяч человек. Насколько можно судить по документам, в Казахстане в это время не наблюдалось массовой смертности, подобной смертности от голода в Поволжье или на Урале. На этот порядок цифр указывает также количество детей, собранных в детских домах.

Активная помощь голодающим позволила в июне 1922 года ЦК Помгол при КазЦИК сделать вывод: «Судя по послед-

---

[25] Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 200

ним данным, поступающим с тем, нужно полагать, что голод в КАССР значительно ослаблен».[26]

Впоследствии Казахстану оказывалась весьма широкая помощь в продовольственном снабжении и восстановлении сельского хозяйства. До 1 октября 1922 года было собрано 1 млн. 402,4 тысяч пудов продовольствия, из которых 251,1 тысяч пудов было прислано из других губерний РСФСР и из частей РККА, и 143,2 тысячи пудов собрано за счет пожертвований и отчислений.[27] Внешняя негосударственная помощь составила 28 % всего объема заготовленного для республики продовольствия. Остальное приходилось на централизованную помощь государства и сбор продналога по КАССР. Весь продналог и закупленный по товарообмену хлеб был в 1922 году забронирован за республикой.

В посевную кампанию 1922 года Казахстану была оказана значительная помощь семенами, которые составили 60 % всего семенного фонда. В 1923–1924 годах в Казахстан было направлено 11,5 млн. пудов семенной и 3,8 млн. рублей денежной ссуды[28] специально для нужд восстановления сель-

---

[26] Отчет ЦК Помгол при ЦИК КазАССР по борьбе с голодом, 20 июня 1922 года – Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 202

[27] Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 130

[28] Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской

ского хозяйства. Крестьяне долгое время не могли отдать семссуду, выданную в голодные годы, и она была отсрочена до урожая 1924 года, а многие хозяйства и вовсе освобождены от ее возврата.[29]

Голод вовсе не отступил в 1922 году. Отдельные его проявления по губерниям и уездам отмечались вплоть до 1925 года. Например, в марте-апреле 1923 года весь Северный Казахстан и прилегающие области Сибири, были охвачены спорадическим голодом. Согласно Госинфсводкам, которые составлялись в ОГПУ, в Уральской губернии голодало около 70 тысяч детей, в Акмолинском уезде насчитывалось 24 тысячи голодающих, а приграничном Тарском уезде Омской губернии вовсе голодало 30–40 % населения.[30]

Сразу после подавления голода встала неотложная задача восстановления сельского хозяйства и увеличения производства продовольствия, поскольку Кирреспублика не могла жить только за счет внешних источников. Но вот с восстановлением сельского хозяйства и увеличением запашки были большие трудности, связанные с предельно низким техническим уровнем отрасли.

По подсчетам Наркомзема КАССР, по минимальной по-

СССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 131

[29] «Советская степь», № 1, 20 ноября 1923 года

[30] Советская деревня глазами ОГПУ. Т. 2 1923–1929. Документы и материалы. М., «Росспэн», 2000, с. 74, 91, 96

требительской норме требовалось обеспечить запасы в размере не менее 60 млн. пудов зерна.[31] При урожае в 92 млн. пудов, запасы зерна позволяли лишь покрыть потребности и что-то направить на посев. Урожай в засушливой степной зоне был очень неустойчивым, а размеры запашки очень незначительные. В среднем в первой половине 1920-х годов хозяйство засевало 5,8 гектара, среднегодовой урожай составлял 6,2 центнера с гектара. Но при этом из 10 лет 3–4 года были неурожайными, когда урожай составлял обычно 1,5–2 центнера с гектара, а то и меньше. В неурожайные годы крестьяне едва возвращали посеянное зерно. Сказывались особенности засушливого климата Казахстана, помноженные на примитивную агротехнику, и полное отсутствие мероприятий по задержанию влаги, в частности. При этом, резкое сокращение запашки по сравнению в довоенными временами, постоянно вынуждало Казахстан балансировать на грани продовольственных затруднений, которые любая засуха могла превратить в голод. Положение со скотом было лучше, количество скота к 1926 году удвоилось по сравнению с весной 1922 года, с 7,8 млн. голов до 13,5 млн. голов.[32] Но это было лишь ненамного больше, чем Казахстан имел в 1920 году (13,1 млн. голов). При этом уровень товарности животно-

---

[31] Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К. История крестьянства советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, «Наука», 1985, с. 97

[32] Чуланов Г. И., Ишмухамедов Б., Антонов П. И., Розманов М. М. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР (1917–1928 годы) т. 1. Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1959, с. 112–113

водства не превышал 7–10 %.

Крайне низким был технический уровень сельского хозяйства, даже в растениеводстве. По данным 1920 года в Казахстане насчитывалось в использовании 317,5 тысяч деревянных сох, косулей и сабанов, 207,8 тысяч деревянных борон, 30,9 тысяч железных борон, и только 8234 конных сеялки. Трактора и более сложные сельхозмашины появились только при Советской власти и были необычайной редкостью. Разумеется, руководство Кирреспублики прилагало огромные усилия к завозу в Казахстан сельхозорудий, насколько это можно было сделать в тех условиях, когда заводы только стали подниматься после военной разрухи, а закупки за рубежом были очень ограниченными. Все же, усилия дли определенный результат. В 1923–1925 годах было ввезено 21961 плуг, 1089 сеялок, 22594 уборочных машин разного типа, 1155 молотилок, 391 трактор.[33] Но и этого было очень мало, в особенности с учетом огромных пространств Казахстана и большого количества практически некооперированных крестьянских хозяйств (в 1926 году учтено 1220668 хозяйств[34]). Кооперативное движение тогда далеко не было

---

[33] Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской СССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 196

[34] Чуланов Г. У., Ишмухамедов Б. М., Чечелева Т. В., Жубанов З. Г. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Т. II. (1928 – июнь 1941 гг.). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1962, с. 228

движущей силой в сельском хозяйстве. Валерий Михайлов приводит цифры кооперации на 1925 год: 2811 кооперативов, в которых состояло более 320 тысяч хозяйств,[35] 26,2 % от численности хозяйств. При этом, далеко не все кооперативы были производственными, значительная часть из них была потребительской, сбытовой, кредитной кооперацией.

Экономика Казакской АССР полностью зависела от сельского хозяйства. В валовой продукции сельскохозяйственный сектор занимал 84,4 %, а отдельно животноводство – 48,5 %.[36] С такими показателями, у КазАССР было крайне ограниченное пространство для хозяйственного маневра. Подобное положение не оставляло особых надежд на быстрый и динамичный подъем этой главной отрасли экономики КазАССР. Валовый объем сельскохозяйственной продукции только в 1927/28 году достиг довоенного уровня, то есть в 1925 году говорить о восстановлении было очень и очень рано. Напротив, состояние сельского хозяйства в то время можно оценить как состояние затяжного кризиса, с небольшой тенденцией к улучшению.

Уровень развития промышленности, транспорта, связи в Кирреспублике в середине 1920-х годов был потрясающе низким. Практически не было переработки сельскхозяй-

---

[35] Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 80

[36] Нейштадт С. А. Социалистические преобразования экономики Казахской СССР в 1917–1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата, «Казахское государственное издательство», 1957, с. 199

ственной продукции, до такой степени, что основная часть ее просто вывозилась сырьем за пределы республики. Вывозился живой скот, по причине крайне слабого развития мясокомбинатов. Единственная индустрия, которая до революции бурно развивалась в Казахстане, это была обработка и выделка кож. В годы Гражданской войны эта отрасль внесла серьезный вклад в победу Красной Армии своими поставками обуви и предметов снаряжения, а после войны стала ведущей отраслью промышленности Кирреспублики. Ее значение сохранялось довольно долго. Кожевенная промышленность и накануне первой пятилетки давала 22 % промышленной продукции в КазАССР. Но при этом, 75 % крупных шкур, 96 % мелких шкур, 98 % шерсти, а также весь хлопок, кенаф, конский волос, щетина, кишки, пушнина – полностью вывозились из Казахстана. Тогда была настолько слабая промышленность, что сейчас в это с трудом верится. В 1924 году из предприятий ВСНХ работало 57, еще 22 предприятия было сдано в аренду, а 153 – было закрыто.[37]

Крайне был слабо развит транспорт, что не позволяло перераспределять по территории республики продовольствие в случае необходимости. Да и сам транспорт, в то время широко использовавший гужевую тягу, сам требовал большое количество фуражного зерна и сена. Развитие железных дорог было очень низким. В 1925 году было всего 3241 км же-

---

[37] Вельман В. Н. Народное хозяйство КССР и наши очередные задачи. Оренбург, 1924, с. 23

лезных дорог, из которых 266,5 км было построено за строительный сезон 1924 года.[38]

Бедность республики чувствовалась во всем, и это можно почувствовать даже сейчас. Брошюра В. Н. Вельмана «Народное хозяйство КСССР и наши очередные задачи» была напечатана на исключительно скверной бумаге и набрана пятью разными шрифтами, что говорит о крайнем дефиците типографских литер в типографии. Если даже правительство испытывало такие трудности, то что же говорить обо всех остальных?

Так что хозяйственная политика составляла тогда главную и наиболее насущную задачу в Казахстане. Хозяйство требовало пристального внимания и было далеко не очевидно, каким образом решить многочисленные проблемы.

---

[38] Дахшлейгер Г. Ф. Турксиб – первенец социалистической индустриализации (очерки истории постройки Турксиба). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1953, с. 32

Первые речи

Казалось бы, в таких условиях Филипп Голощекин должен с головой окунуться в гущу экономических проблем и заняться их решением. Тут работы было с переизбытком. Однако, этого не случилось. Уже в первом своем докладе на V Всеказахстанской конференции, открывшейся 1 декабря 1925 года в Кзыл-Орде, то есть спустя 10 недель после прибытия в Казахстан, Голощекин заявил не о развитии хозяйства республики, а о политике советизации аула. По сути, он подхватил официальную позицию ЦК РКП(б), которые еще в 1924 году постановил, что советской власти в казахском ауле нет. Голощекин на конференции зачитал письмо ЦК РКП(б) большевикам Казахстана, в котором была поставлена задача создания советской власти в аулах: «ЦК, учитывая, что в Кирреспублике Советы находятся в особо тяжелом положении и фактически в аулах Советов нет, считает необходимым принять все меры к действительному созданию советской власти в аулах и кишлаках…».[39]

Правда, нельзя сказать, что Голощекин совсем не понимал трудностей сложившегося положения в Казахстане. Понимал вполне, из-за чего в своем дальнейшем докладе он связал лозунг советизации аула со всеми наиболее остры-

---

[39] Цит. по: Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 81

ми проблемами в Казахстане того времени: «Сказать, что в Казахстане нет советской власти – неверно. Есть советская власть здесь, но если поставить шире вопрос о советизации Казахстана, как об организации масс, как вопрос формы, в которой происходит, если хотите, национальное самоопределение, формы, в которой можно провести культурно-политический рост, формы, создающей экономическое освобождение, формы, высвобождающей из-под эксплуатации, то мы должны сказать, что у нас есть огромные недостатки».[40]

Лозунг о советизации аула многими авторами воспринимался как выражение планов Голощекина устроить голод в Казахстане. Роль этой политики в предпосылках голода 1932 года мы еще рассмотрим далее, но в отношении 1925 года с этим трудно согласиться. Тут надо принять во внимание несколько факторов, которые подвигли Голощекина к такому решению. Во-первых, это его выступление было первым после назначения на самый высокий пост после революции, и ему надо было оправдать возложенное на него доверие, хотя бы демонстрацией лояльности курсу ЦК партии в этом вопросе. Ссылка на письмо ЦК и тезис о советизации аула этой задаче вполне соответствовал.

Во-вторых, анализ экономических проблем занимал очень много времени, и очень сильно осложнялся тем, что трудно было получить информацию, а организованной ста-

---

[40] Цит. по: Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, «Жалын», 1996, с. 82

тистики тогда в Казахстане и вовсе не было. В 1925 году в Оренбурге был выпущен справочник «Весь Казахстан на 1925–1926 годы», во введении к которому было прямо сказано: «… причем в целях точности материалов издательство получало таковые непосредственно и официальные материалы от самых отдаленнейших органов всей республики… издательство опирается лишь на эти прямые сведения с мест, а не подведомственных журналов, которые зачастую являются неточными».[41]

Это прямое признание, что со статистикой в КазАССР тогда все обстояло очень плохо, в особенности в ведомствах. Но и автор этого справочника «журналист-инвалид» А. Большаков, смог собрать только самые общие, справочные сведения о различных отраслях хозяйства. Данных, которые бы характеризовали динамику развития хозяйства республики, у него не было. Многие данные были устаревшими, как данные по посевам, которые приводятся у него за 1923 год. Потому Голощекин по первому времени своего пребывания в Казахстане, просто не мог получить какого-либо четкого и обоснованного представления о хозяйстве, в особенности крестьянском и скотоводческом. Неоткуда было ему взять необходимых данных. И, как мы увидим впоследствии, не было также определенности в отношении экономического развития Казахстана и способов преодоления многочисленных проблем.

---

[41] Весь Казахстан на 1925–1926 годы. Оренбург, 1925, с… 35

В своем докладе Голощекин заговорил в первую очередь о политике и советизации аула, и в том большой вины нет, учитывая приведенные обстоятельства. Но в дальнейшем он не только не скорректировал тезисы своего первого выступления, не только держался за них всеми силами даже перед лицом небывалой хозяйственной катастрофы, но и не провел никакой работы, которая бы помогла ему оформить правильную хозяйственную политику. Хозяйственное руководство Казахстана под его началом дошло до использования фальсифицированных, дутых цифр в планировании и составлении заданий по хлебо– и мясозаготовкам. В дальнейшем мы постараемся, насколько это будут позволять имеющиеся материалы, проанализировать этот механизм самообмана.

Глава вторая***Пахать или пасти?

В дальнейшем изложении нам придется на время оставить Филиппа Голощекина и его политику, и углубиться в детали хозяйственного положения в Казахстане в 1920-х годах, а также проследить за перипетиями споров вокруг курса дальнейшего развития республики. Эти споры были очень острыми, сопровождались политическими обвинениями, но в то же время они показывают, что вопрос о том, как развивать Казахстан, был далеко не простым, был далеко не однозначным, и существовали различные точки зрения.

Но для начала нужно все же немного посвятить внимание традиционным видам сельского хозяйства в Казахстане – ведущей отрасли экономики 1920-х годов. Можно выделить три типа: казахское скотоводство, казахское поливное земледелие, а также крестьянское хозяйство европейского типа (русское или украинское) с сочетанием земледелия и скотоводства.

Казахское скотоводство

Скотоводческое хозяйство в то время было основным видом сельского хозяйства в Казахстане, недаром оно занимало такую огромную долю в экономике республики. Оно же было главным источником средств пропитания для основной массы населения Казахстана, и давало весьма небольшую долю товарной продукции. Из-за слабого развития транспорта, из-за нехватки забойных площадок, мясокомбинатов и холодильников, а также пищевой промышленности, животноводство практически не развивалось в направлении товарного производства, и велось практически теми же методами, что и сотни лет назад.

В этнографических материалах, собранных во второй половине XIX – начале XX века в Казахстане, казахское кочевое скотоводство было весьма подробно описано. Но, к сожалению, цельные и систематические описания скотоводства появились только во 1980–1990-х годах, то есть много времени спустя после катастрофы. В начале XX века система кочевого скотоводства была изучена очень плохо, что и сыграло большую роль в хозяйственной катастрофе. «Кочевое хозяйство до сих пор до такой степени terra incognita, что даже трудно познакомиться с ним по литературе», – писал В. А. Остафьев.[42]

---

[42] Цит. по: Масанов В. А. Проблемы социально-экономической истории Казах-

Кочевое скотоводство в Казахстане развивалось в очень своеобразных условиях. Наиболее значимым географическим фактором было то, что основные пастбища находились в переходной полосе, пролегающей между 48 и 50 градусами северной широты. К северу климат был значительно холоднее, зима до 5 месяцев, зимние температуры опускались до -45 градусов и ниже. Обилие снега затрудняло выпас скота. Южнее лежала пустынная зона, в которой климат был жарким и засушливым: зима около 1 месяца, малое выпадение снега и недолгое его задержание, летом температура поднималась до +45 градусов, что приводило к выгоранию трав.[43] Эти географические условия создавали кардинально разные требования к выпасу скота. Достаточно сказать, что для выпаса овец требовалось минимум 5–7 га в степях и 12–24 га в полупустынях и пустынях.[44] По всей территории Казахстана условия для выпаса скота были неодинаковыми, часто мозаичными. Потому скот приходилось перегонять с одного пастбища на другое.

Наличие кормов и воды определяли состав стада. Для годового прокорма овцы требовалось 1314 кг сухой массы кормов и 1,5 кубометра воды. При этом, из 288 видов растений

стана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, «Наука», 1984, с. 10

[43] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 59

[44] Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 29

только 167 видов поедалось овцами.[45] Поскольку овцы поедали больше всего видов растений и могли пить почти любую воду, даже с соленость до 10 гр/литр, то неудивительно, что овцы составляли основу стада у казахов. В среднем овец было 60 %, но на Мангышлаке доля овец доходила до 85 %. Напротив, крупный рогатый скот мог поедать всего 48 видов растений и требовал пресной воды с соленостью не более 2,5 гр/литр, то эти виды скота составляли в среднем 12,3 % стада. При этом основная доля крупнорогатого скота находилась в Северном Казахстане, где были подходящие корма и пресная вода, и где доля в стаде доходила до 30 %.

И. Э. Масанов выделил два типа скотоводческого хозяйства. Первое характеризовалось длительными круглогодичными кочевками по колодцам, долей овец от 60 % и зимовками в безводных местах. Второе характеризовалось равномерным кочеванием с летовок на зимовки, долей крупнорогатого скота в 25–30 %, длительными зимовками со стойловым содержанием скота.[46]

Засушливый климат и низкая продуктивность пастбищ, заставляли круглый год держать скот на подножном корму, не позволяли переходить на большей части степей и полупустынь к оседлому скотоводству и земледелию, а заставляли

---

[45] Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 67

[46] Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 84

передвигаться вслед за скотом. Это и составляло сущность кочевого хозяйства, которое, по С. И. Руденко, слагалось из трех принципов:

1. Скотоводство как основное занятие.
2. Круглогодичное содержание скота на подножном корму с учетом разнородности пастбищ.
3. Подвижный образ жизни большинства населения.[47]

Для успешного кочевания надо было в совершенстве знать состав растительного покрова в конкретных урочищах, степень ее поедаемости скотом, время вегетации, обеспеченность водой пастбищ и учитывать множество других факторов, связанных с погодой, для определения времени и маршрута перекочевки. Современные авторы подчеркивают, что даже не все аксакалы обладали такими исчерпывающими знаниями природы и климата, чтобы обеспечить успешное кочевание. Потому, как правило, даже главы родов беспрекословно слушались тех, кто имел такой опыт.

Однако, степень развития кочевого хозяйства были различными для разных регионов Казахстана. Полностью кочевой образ жизни вели казахи Мангышлакского, Темирского, Атбасарского, Казалинского, Иргизского, Тургайского уез-

---

[47] Руденко С. И. К вопросу о форме скотоводческого хозяйства и о кочевничестве. // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Ч. 1. Л., «Наука», 1961, с. 3–5

дов, находившиеся в засушливой зоне, в которой кормов на пастбищах было немного, и аулы вынуждены были постоянно перегонять его с одного пастбища на другое. Маршруты кочевания пролегали от колодца до колодца, которых было создано очень много. В 1873 году на Мангышлаке было учтено 1133 колодца.[48] Эти колодцы были долговременными, и часто эксплуатировались до 150–200 лет. Не редкость были колодцы, построенные в XVIII веке. Но также много колодцев высыхало и приходило в негодность, потому ежегодно на Мангышлаке кочевники рыли, по различным данным, от 200 до 600 новых колодцев. В пустынях многие пастбища были пригодны только летом, или наоборот, только зимой, вроде островов на Аральском море, на которых можно было пасти скот только зимой, когда туда можно было перейти по льду и кода там был снег. Летом там можно было погибнуть от отсутствия питьевой воды. В ряде мест Казахстана условия были настолько разные для зимы и лета, что они вынуждали кочевать на дальние расстояния. Например, казахи южной части Атбасарского уезда каждый год кочевали на расстояние до 1000 км, до реки Чу.[49] В других же местах, где условия были более благоприятными, кочевки происходили на расстояние 10–15 км. Некоторые хозяйства кочевали на

---

[48] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 70

[49] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 76

расстояние 2500 км, делая до 107 остановок в год.[50]

Наиболее распространенным в начале XX века типом казахского скотоводческого хозяйства было экстенсивное полукочевое хозяйство, в котором сочеталось кочевание (как правило с зимних на летние пастбища и наоборот, на расстояние 20–50 км), полустойловое содержание с сенокосом (от 44 до 96 % хозяйств по различным уездам Центрального и Восточного Казахстана) с длительными зимовками, и поливное земледелие.[51] В Семиречье даже культивировалась кормовая люцерна для подкормки скота.[52]

Однако, основная часть скота в полукочевых хозяйствах содержалась на подножном корму и перегонялась с пастбища на пастбище. Существовало две системы перегона. Первый, наиболее сложный, предусматривал отдельные пастбища для четырех сезонов: зимние, весенние, летние, осенние. Второй способ предусматривал пастбища для осеннее-зимнего и весеннее-летнего сезонов.

Наиболее сложным было обеспечение выпаса скота в зимний период, и зимовки были важнейшим элементом полукочевого хозяйства. От них буквально зависела жизнь скотоводческого хозяйства. На зимовках стояли небольшие аулы,

---

[50] Масанов В. А. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, «Наука», 1984, с. 39

[51] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 87–89

[52] Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, «Казахстан», 1995, с. 32

от 5 до 25 хозяйств. Число скота жестко лимитировалось вместимостью зимних пастбищ.

На зимовках скот выпасался как правило отдельно. На зимовках пастбищные угодья делились на части, для разного скота. Самыми дальними были пастбища для лошадей – атарқан, куда отгонялся қос лошадей, обычно в 400–500 голов, иногда до 1500 голов. Лошадей отгоняли на 100–200 км от зимовки. Самыми близкими к зимовке были овечьи пастбища – қойтебін, в радиусе не более 3–4 км от зимовки, на которых выпасался қотан овец, обычно в 300–400 голов. Отдельно выделялись пастбища для телят – бзаужері, и для дойных кобылиц – биежері.[53]

Раздельный выпас скота нарушался во время джутов, когда формировалась плотная корка наста, или во время выпадения глубокого снега. В это время скот несколько раз прогонялся по пастбищу. Сначала выпасались лошади, съедавшие верхние части растений и разбивавшие наст копытами. Затем выпасались верблюды и крупнорогатый скот, а затем – овцы, которые доставали нижние части растений. Это был способ выпаса скота в экстремальных условиях, и обычно он не применялся.[54]

Ранней весной кочевые хозяйства снимались с зимовки и

---

[53] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 79

[54] Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадического общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 100

уходили на поиск корма, разбредаясь по степи отдельными юртами. Это был период интенсивного кочевания с кратковременными остановками. В это же время проводилась случка, кастрация, клеймение скота, а также начиналось доение и заготовка молочных продуктов. Поздней весной хозяйства переходили на летние пастбища.[55]

Летние пастбища, богатые травостоем и водой, вмешали много скота, и на летовках кочевники могли стоять большими аулами, с длительными остановками и кратковременными переходами, которые вызывались в основном необходимостью водопоя скота. На летовках иногда собиралось до несколько сотен юрт. В это же время проводились тои и курултаи, на которые могли собираться до нескольких десятков тысяч человек.

Осенью кочевники выбирали пастбища поближе к зимовкам, и быстро двигались к своим зимним пастбищам, чтобы успеть прийти к ним до первых снегопадов. В старину часто сигнал к движению на зимовки подавал хан, но в начале XX века время начала перекочевки на зимовки определяли наиболее опытные аксакалы.

Этому циклу перекочевок были подчинены все остальные работы и заготовка продуктов. На весенних, летних и осенних пастбищах проводилось доение скота, заготавливались молочные продукты: уыз, сары су (сыворотка), құрт (сыр),

---

[55] Масанов И. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадического общества). Алматы, «Социнвест» – М., «Горизонт», 1995, с. 103

ажыған көже (молочная похлебка), қымыз, қойыртпақ (напиток из смеси кислого и пресного молока), қорықтық, қою сүт (густое молоко). Эти продукты составляли основу летнего рациона казахов. В это же время коптился сыр на зиму. Осенью происходил забой скота и копчение мяса на зиму. Весной перед откочевкой на летовки, и осенью перед откочевкой на зимовку, происходила стрижка овец, и из шерсти делался войлок. Летом также изготавливались необходимые в хозяйстве предметы, и детали юрты.

Иными словами, кочевое хозяйство обладало своим ритмом и графиком хозяйственным работ, который неукоснительно выдерживался. Начало новых работ всегда сопровождалось специальными праздниками. Отступление от этого графика всегда было чревато падежом скота, и к этому прибегали только в чрезвычайных обстоятельствах, в прошлом, при военных поражениях.

В ряде уездов, в основном в Северном и Северо-Восточном Казахстане, на Алтае, в начале XX века казахи стали переходить к оседлой форме хозяйства, сильно напоминающей русское хозяйство, с развитым сенокошением и земледелием. Скот содержался в стойлах с подкормкой сеном, а сами аулы становились оседлыми. Казахи этих районов строили постоянные избы, загоны и сараи для скота. В этих районах раньше всего началось оседание казахов. На процесс оседания казахов в начале XX века также большое влияние оказала конфискация земли русскими властями в пользу казаков

и переселенцев. Изъятие земель приняло весьма масштабный характер. Всего было изъято 17,7 млн. десятин земли (из 242,8 млн. десятин угодий).[56] Резкое сокращение площади пастбищ вынудили многие казахские аулы перейти к оседлому хозяйству, перенять сенокошение, стойловое скотоводство, а также заниматься земледелием.

[56] Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата, «Издательство АН КазССР», 1964, с. 130

Казахское земледелие

Вопреки распространенному представлению, казахи были издавна знакомы с земледелием, однако оно прибрело большое значение с конца XVIII века. Регион наибольшего развития казахского земделелия охватывал течение рек Сырдарьи, Или, Чу, Талас, и горы Каратау с многочисленными водотоками, пригодными для саево-ручьевого поливного земледелия, междуречье Жанадарьи и Кувандарьи, речные долины Черного Иртыша, у озера Зайсан на равнине, на западных и северных склонах Тарбагатая, в бассейне рек Тургай, Иргиз, Орь, Ураль, Хобда, Эмба.[57] Единого земледельческого пояса у казахов так и не сложилось, но очаги земледелия имелись практически во всех уголках Казахстана, кроме Мангышлака и Устюрта.

Наиболее характерной чертой казахского земделелия было то, что казахи всегда стремились вести именно поливное земледелие. Даже в тех районах, где можно было вести хозяйство европейского типа, казахи все равно старались поливать поля, хотя бы раз в год перед посевом. В Усть-Каменогорском уезде казахи обрабатывали не самые лучшие земли, а только пригодные для устройства орошения. «Казахскому хозяйству были известны разные виды орошаемого земледе-

---

[57] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 155–161

лия, от самых примитивных до самых сложных его форм».[58]

Самые примитивные формы: орошение полей талой водой – суалма-егін, орошение путем строительства запруд – бөгей, ручной черпак – атпа. Сложные формы орошения: распределение воды из магистральных каналов – тоған, чигирное орошение разных типов – шығыр, а также система кяризов, которая существовала в районе городища Мырт-тобе (Сауран) с XVI века.

В южных уездах существовали мощные системы каналов, орошающие большую площадь. Так тоған Аулие-Ата имел протяженность 9,8 верст и орошал 212 десятин, тоған Чиил в Петровском уезде орошал 7000 десятин. Казахам были известны весьма сложные гидротехнические сооружения. Так тоған Карабур в Аулие-Атинском уезде был проложен в сильно пересеченной местности, и включал в себя туннель и несколько акведуков через каналы, лога и овраги.[59] Только в Чимкентском уезде в 1890 году насчитывалось 239 каналов и арыков, общей протяженностью более 3000 верст.[60]

Шығыр занимал большую долю в поливном земледелии в

---

[58] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 164

[59] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 181

[60] Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века (По материалам экспедиционных обследований 1896–1913 годов). // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник III. М., «Издательство АН СССР», 1959, с. 393

Тургайском уезде по всему течению Тургая и Иргиза. Казахский шығыр представлял собой колесо, диаметром до 5 метров, по ободу которого крепились деревянные или кожаные ведра, установленное в глубокой яме, соединенном каналом с рекой.

Иногда применялись самобытные системы орошения, как например, у Балхаша, где казахи копали большие ямы у рек, из которых выводили каналы. Также был известен способ озерного орошения – көлтабан, то есть посев по дну пересыхающих озер, распространенный по Сырдарье и в низовьях Таласа.

Казахи орошали поля либо затоплением, когда поле разбивалось на участки, которые заливались по очереди, либо поливали по бороздкам. Земля вспахивалась колесным плугом – сабан, сохой – жерағаш, или «тюменской сохой» – сохой с отвалом.[61] Казахи, в основном, сеяли просо – тары, традиционную земледельческую культуру, но в начале XX века в большей части уездов стали сеять пшеницу – бидай. Урожай скашивали серпом – орақ, или косой – шалғы орақ, связывали в снопы – бау, и обмолачивали на гумнах – қырмақ, которые чаще всего делались или на самом поле, или у ворот ограды пашни. Хлеб молотили с помощью скота на тщательно утрамбованных заранее площадках, затем полуочищенное зерно просеивали, и складывали в зерновые ямы – ұра,

---

[61] Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, «Наука», 1980, с. 205–215

вместимостью от 40 до 200 пудов. Все сельскохозяйственные работы начинались с обрядов и праздников.

Этнографические материалы показывают сильные различия казахского земледелия от европейского, а также в казахском языке есть тюркские термины для всех зерновых культур и их сортов (так просо имело три сорта: ақ тары, қызыл тары, шоқай), сельскохозяйственного инвентаря и гидротехнических сооружений, для сельскохозяйственных операций. Это показывает, что несмотря на позднее развитие земледелия у казахов, оно не было заимствовано от русских. Развитие казахского земледелия тесно связано с древним развитием земледелия в Центральной Азии и Южной Сибири.

В 1906 году казахи засевали 417,8 тысяч десятин, а в 1916 году – 648 тысяч десятин.[62]

Другой характерной чертой казахского сельского хозяйства было его сочетание с кочевым скотоводством. Многие кочевые хозяйства имели посевы, которые высевали на зимовках перед откочевкой на летовки, и собирали урожай после возвращения. Богатые скотоводы также имели свои пашни, на которых работали зависимые от них бедные сородичи – ортақ, тогда как сами баи кочевали вместе со скотом.

Обычно считалось, что переход к земледелию и оседлости определялся невозможность вести кочевое хозяйство, поте-

---

[62] Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века (По материалам экспедиционных обследований 1896–1913 годов). // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник III. М., «Издательство АН СССР», 1959, с. 395

рей скота и пастбищ. Однако, обследования установили, что в начале XX века имелась любопытная тенденция: богатые скотоводы имели большие посевы, и чем больше было скота у бая, тем больше у него была запашка. Хозяйства, имеющие более 100 голов скота, в среднем обрабатывали 30–32 десятины, тогда как бесскотные хозяйства – от 1,5 до 3,5 десятин. В Кустанайском уезде среди бесскотных хозяйств имели посевы 55,6 %, а среди хозяйств, имеющих 10–50, 50–100, и более 100 голов скота, 84,5–87 % имели запашку.[63] В общем, это неудивительно, поскольку богатое хозяйство легко могло выделить лошадей для земледельческих работ.

Доход только от земледелия был незначительным, но он возрастал в зависимости от обеспеченности скотом. Хозяйство с 10 головами скота получало годовой доход 11,5 рублей, тогда как хозяйство со стадом 10–20 голов – 43,5 рубля. В таких хозяйствах, скотоводство невозможно было отделить от земледелия. В более богатых хозяйствах, земледелие носило явно выраженный подсобный характер, и в начале XX века стремительно эволюционировало в товарное хозяйство, урожай которого шел на продажу, хотя основной доход богатые скотоводы получали от продажи скота, кож и шерсти.

К теме социальных отношений в казахском ауле, методов

---

[63] Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века (По материалам экспедиционных обследований 1896–1913 годов). // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник III. М., «Издательство АН СССР», 1959, с. 414–420

эксплуатации, мы вернемся позднее.

Хозяйство европейского типа

Массовое переселение крестьян из европейских губерний Российской империи, которое началось во второй половине XIX века, довольно быстро привело к появлению в Казахстане нового типа сельского хозяйства – европейского типа, как его называли в экономической литературе 1920-х годов. Оно было представлено преимущественно хозяйствами русских и украинских переселенцев. Несмотря на серьезные этнографические различия, в целом, переселенцы вели хозяйство примерно одинакового типа.

Первые самовольные переселенцы из тобольских и пермских крестьян пришли в Казахстан в 1866 году в Акмолинскую область, и поселились у озера Саумал-куль, где стали вести хозяйство на арендованной у казахов земле.[64] Официально разрешенное переселение было открыто 13 июля 1889 года решением Госсовета, открывшего переселение в Акмолинскую область. Сразу же за этим разрешением, сильный неурожай и голод в европейских губерниях создал мощный поток переселенцев в Казахстан.[65] В период 1897–1916 годов, в Казахстан и Киргизию переселилось 1,3 млн. человек,

---

[64] Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX века – 1917 год). М., «Наука», 1986, с. 111

[65] Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 10

основная масса которых – 56,2 % поселилась в Акмолинской области.[66]

Размещение переселенцев производилось, как правило, на конфискованных у казахов землях. Этот способ сторонниками колонизации считался наиболее эффективным. Однако, в реальной практике многие крестьяне устраивались на арендованных у казахов землях, которые они снимали в краткосрочную аренду на 3–4 года. У казахов русские крестьяне арендовали и сенокосы, которые всегда сдавались на один съем травы.[67]

---

[66] Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX века – 1917 год). М., «Наука», 1986, с. 160

[67] Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб, 1897, с. 158

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.